

ПРОЛОГ

772 год от Рождества Христова

Оперение вороны было сплошь в копоти. Птица, поблескивая глазами, вытянула шею и огляделась: вокруг были развалины домов, усеянные стрелами и копьями хижины и лежащие друг на друге трупы. Убедившись, что ей ничто не угрожает, ворона вернулась к грудному ребенку, на которого только что опустилась. Младенец был еще жив и укутан в одеяло, из которого выглядывало только лицо. Не обращая внимания на плач и крики, доносившиеся из этого свертка, ворона клюнула ребенка в щеку и наклонила голову, проверяя, действительно ли ее добыча так беспомощна, как ей показалось. Широко открытые глаза ребенка влажно блестели и обещали стать настоящим лакомством.

Стрела пронзила ворону, и ее последний полет закончился на бочке из-под зерна. Молодая рыжеволосая женщина с луком в руке пробралась среди развалин, склонилась над младенцем, внимательно осмотрела его и взяла на руки. Прежде чем опять исчезнуть, она сняла мертвую птицу с бочки. Затем, держа в руке ребенка и ворону, женщина скрылась в продолговатом строении среди разрушенных хижин.

Глаза Иммы быстро привыкли к темноте. В неверном свете свечей она увидела мужчин и женщин своего племени, которые сидели, прислонившись спинами к стенам, и шепотом разговаривали между собой. Неужели они думали, что враг, стоящий у ворот, услышит их?

Многие спали на голом полу. Между ними находились также беженцы из других саксонских деревень, спасшиеся бегством при нападении франков на Эресбург. Если пророчество старого Дрого сбудется, это будет означать, что они лишь отсрочили свою смерть. Никто, как сказал ясновидящий три дня назад, не переживет этой осады.

Луч дневного света проник через отверстие для выхода дыма в центре помещения. В этом свете перед старейшинами племени держал речь Оснаг.

«Оснаг, — подумала Имма. — Это он принес нам войну». Вождь саксов сам дал себе второе имя — Видукинд, что значило «Дитя леса», а за всю долгую историю лишь немногие люди заслужили такое право. Насколько помнили жрецы, с тех пор как было посажено священное дерево, ни один человек такого имени не носил. Однако Оснаг осмелился. Точно так же, как осмелился поднять племена против франков. А теперь деревни опустошены, братья и сестры убиты или уведены в рабство, а последние из некогда гордых саксов собрались в этой крепости, ожидая конца. Оснаг, однако же, все еще старался показать себя в лучшем свете и призывал к войне, словно ничего не случилось.

Имма подошла к группе старейшин, встала перед Оснагом и прижала ребенка к его груди. Вождь озадаченно взял его в руки.

— Позаботься о нем, Оснаг. Может быть, тебе удастся спасти хоть одного из нас.

С этими словами она оставила герцога и старейшин. Молчание за ее спиной было красноречивее всяких слов.

Она покинула строение через боковую дверцу, служившую для загона скота. Уже несколько недель они почти ничего не ели. Запасы пищи истощились, и голод измотал оказавшихся в осаде людей. До того как франки подошли к воротам крепости Эресбург, шерстяное платье было даже тесно Имме в бедрах. А сейчас оно висело, как тряпка на огородном пугале.

Ирминсул — священное дерево, покрытое зеленью, — гордо устремлялось ввысь. Огромный ствол и широкие ветви всегда приводили Имму в изумление. Иногда она по полдня стояла на коленях перед дубом, застыв в священном ужасе перед мощью богов. Но сегодня она не чувствовала желания молиться Ирмину. Ее устремления были мирской природы. За Ирминсулом находилась постройка, сооруженная над углублением в земле.

В холоде подземелья Дрого имел обыкновение хранить пожертвования для Ирмина — яблоки из священной рощи и мясо священных овец и коз. Однако сейчас погреб служил иной цели.

Она поприветствовала обоих воинов, стоявших на посту перед крышей, и уже хотела исчезнуть в темноте погреба, но Радберт остановил ее, схватив за руку:

— Имма! Я не могу позволить тебе снова спуститься к заложникам. Если старейшины узнают об этом, Видукинд прикажет приковать нас к дереву.

— А ты разве не отнес еду пленным? — спросила она, чувствуя, как кровь прилила к лицу. — Неужели ты хочешь, чтобы они умерли с голоду? Как думаешь, что сделает с тобой Видукинд, если ты оставишь подыхать в этой яме наш единственный козырь в борьбе с таким человеком, как *Carolus Magnus*?¹

Хватка Радберта ослабела.

— Ты знаешь, так же как и я, что еды больше нет. Мы что, сами должны умереть с голоду, чтобы франки остались живы?

Имма поднесла к лицу сторожа ворону.

— Твои последние запасы сушеных фруктов останутся в неприкосновенности, Радберт, можешь не беспокоиться. Я сама об этом позаботилась.

Она увидела жадность в глазах Радберта, заметившего ворону. Еще какой-то миг он удерживал Имму за руку, а затем отпустил.

— Ладно, клянусь Сакснотом!² Но поторопись! Во время следующей атаки ты будешь нужна на палисаде.

Имма прошмыгнула внутрь погреба. В деревянном полу был люк, закрытый копьём, которое было просунуто сквозь две петли из конопляной веревки. Имма вытащила из них оружие, небрежно отбросила в сторону и приподняла крышку. Внизу царил мрак. «Утопить бы в бочке этого Радберта, — подумала она. — Этот дурак опять забыл заменить свечи». Найдя

¹ Карл Великий (лат.) (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

² Родоначальник племени саксов, бог — покровитель семейных уз. По другим источникам — бог войны у саксонских племен.

в пристройке светильник, она зажгла его и спустилась вниз, в погреб.

Там было холодно. В каменистой почве был проделан целый лабиринт ходов, словно здесь, внизу, было логово огромного крота. Ни один чужак не смог выйти из этого лабиринта. Это место было настоящей тюрьмой.

Подобно рукам привидений, из земли торчали корни Ирминсула. Ирма ориентировалась по ним. Она знала священное дерево как никто другой. Только жрецы были лучше знакомы с этим колоссом, который с незапамятных времен все рос и рос на горе Эресбург, будучи одновременно символом саксов и тем местом, куда боги по праздникам спускались вниз, на землю. Неудивительно, что франки хотели срубить дерево. Это означало бы гибель старой веры. Равно как и триумф христианства, той самой новой религии, которая каким-то жутким образом околдовала Имму.

— Исаак! — крикнула она в темноту, пробираясь по запутанным ходам. — Исаак!

Тишина, которой встретило Имму подземелье, обеспокоила ее. Неужели с Исааком что-то случилось? Не может быть! Никто в этой ситуации не решился бы причинить вред заложнику вождя.

Она заметила отблеск света, лишь очутившись перед нишей. Исаак сидел на корточках, расстелив свою красную накидку так, чтобы на ней можно было спать, и склонив голову над каким-то блестящим предметом. Неужели он ее не услышал?

— Исаак, — сказала Имма еще раз. Она даже не удивилась бы, если бы он не оторвался от своего занятия.

Однако Исаак поднял голову. Несмотря на скудное освещение, она могла рассмотреть каждую черту его лица. Темные волосы спадали ему на плечи — они были отличительным признаком франкской знати. Его осанка даже после нескольких недель пребывания в этой яме все еще была осанкой повелителя, а руки — крепкими и нежными. Глаза были ярко-зеленого цвета.

Имма втянула в себя затхлый воздух.

— Откуда у тебя светильник? — спросила она.

— Трутовик, смола и дерево. Всего этого здесь внизу много. Если чего не хватает, — он указал на украшенный серебряным шитьем кошель на своем поясе, — то у практичного человека это найдется в сумке.

Имма подавила улыбку и поставила светильник на пол.

— Вот, этот ярче. С тех пор как ты здесь, стало светлее.

Она смущенно оглянулась в темноте по сторонам. В остальных, расположенных поодаль нишах этого лабиринта сидели на корточках еще три человека, ожидая, что *Carolus Magnus* вызовет их из когтей саксов. Имма надеялась, что этот день наступит не слишком скоро.

Она показала ему ворону:

— Это не много, но как-то поможет. Оснаг будет ожидать возвращения посредника с переговоров, прежде чем решит, нужно вас дальше кормить или...

Слова застыли у нее на языке.

— Или нас прибьют гвоздями к Ирминсулу? В таком случае пусть твоя ворона будет моим последним обедом перед казнью. Однако это может подождать. Посмотри, я тоже поймал для тебя птицу.

Он встал и протянул ей что-то блестящее. Имма подняла светильник, чтобы рассмотреть. В правой руке Исаака лежал амулет, сделанный из множества драгоценных камней. Темно-красный камень засиял в слабом свете свечи. Амулет имел форму птицы, хищной птицы, как показалось Имме. Никогда раньше она не видела ничего подобного.

Пальцем левой руки франк дотронулся до украшения и разделил его на две части. Колдовство?

Имма поняла: Исаак специально разделил украшение. Теперь на его ладони лежали две половинки одной птицы, и у каждой было одно крыло. Исаак кивнул ей, и она взяла половину амулета.

— Это украшение не такое питательное, как твой подарок. Зато оно — надолго.

Франк крепко сжал в руке свою часть украшения.

Имма развязала кожаный ремешок, который удерживал ее волосы, и уже хотела привязать к нему драгоценность, но Исаак остановил ее:

— Это украшение очень древнее. Его носили еще Меровинги. Кто-нибудь из твоего племени может увидеть, что ты носишь знак врага. Спрячь его. На первое время.

— Надолго, Исаак?

Он поцеловал ее. Имма спрятала амулет в карман своего одеяния.

— Я освобожу тебя. Уже сегодня ночью. Я выведу тебя из лабиринта, тут есть тайный путь из крепости. Никто не знает его, только жрецы и певицы.

— Нет, Имма. Я здесь нахожусь по очень важной причине. Лишь под залог моей жизни ваш посланник отправился на переговоры в лагерь моего короля. Переговоры могли бы привести к мирному окончанию этой войны. А потом ты ушла бы куда захочешь.

— Я уже нахожусь там, где хочу быть. — Она расстегнула застегжки, удерживающие платье на ее плечах. — И если ты не хочешь бежать отсюда, я знаю другой путь. Ты должен навсегда остаться в этом подземелье, потому что тогда ты будешь со мной. До тех пор, пока я этого хочу.

— В этой жалкой дыре в земле, в вечном мраке и с мертвыми воронами на ужин? — Он рассмеялся. — Действительно, и я тоже там, где хочу быть.

Он потушил светильник.

Парламентер саксов возвратился с переговоров с франками через два дня. Его голова торчала на копье, которое ночью появилось перед восточными воротами крепости Эресбург. На щеках и лбу сакса его палачи нарисовали знак христиан.

Оснаг был вне себя от ярости. Свои воинственные речи предводитель саксов продолжил в большом зале, и старейшины в знак одобрения громко били своими мечами о щиты. Почему переговоры о мире с королем франков закончились неудачей, не знал никто. Зато теперь стало ясно, что с этого момента говорить будет только оружие.

На закате, когда князь проверял своего боевого коня, Имма подошла к Оснагу. Осажденные ожидали, что франки во время следующего нападения соберут все свои силы и пойдут штурмом на стены крепости.

— Оснаг, — сказала Имма.

Вождь не обратил на нее внимания.

— Видукинд, — сделала она новую попытку.

Он бросил на нее взгляд.

— Чего ты хочешь? Опять давать мне наставления? В этот раз тебя не слушает публика, так что оставь их при себе.

Имма мяла в руках уздечку вороного коня. Трензеля и кольца удил были сделаны из железа и украшены тонкой чеканкой.

— А что теперь будет с заложниками?

— Они умрут сегодня ночью. Франки начнут атаку только на восходе солнца. До тех пор у нас будет время принести пленных в жертву Ирмину. За это он обеспечит нам удачу в бою.

— Если ты оставишь пленников в живых, то франки, быть может, не решатся напасть на нас.

— Они получают своих людей такими же живыми, каким мы получили своего. Дрого позаботится о том, чтобы их крики были слышны во вражеском лагере. — Он наморщил лоб. — А с чего это тебя заботит судьба пленных?

Имма нащупала амулет, спрятанный под одеждой. Когда она ответила Оснагу, ее голос дрожал:

— Их судьба меня не волнует. Но если сегодня нужно будет молиться Ирмину, я должна буду подготовиться к этому заранее. Я — первая певица, и именно мой голос должен будет пробудить бога от сна. Тебе же это известно?

Оснаг кивнул:

— Конечно, известно. Так что иди и готовься, я тоже должен собраться.

Имма удалилась. Убедившись, что вождь уже не может видеть ее, она бросилась к погребу. Слезы градом катились по ее щекам.

Пленные исчезли. Даже Радберт уже не стоял на страже перед погребом. Уже не нужно было спускаться в подземелье.

Дрого приказал привести к себе заложников и стал готовить их к церемонии.

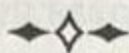
Имма в отчаянии заломила руки. Как она сможет теперь встать перед Ирминсулом в окружении всех соплеменников и петь, когда Исаака у нее на глазах будут прибивать к дереву? Как вообще она теперь должна почитать бога саксов? Если он убьет Исаака, разве тогда у нее не будет права отвернуться от Ирмина и открыть душу для нового бога?

И вдруг ей в голову пришла мысль. Под защитой деревьев она проскользнула через священную рощу до самого края крепости. Здесь на стенах не было стражи. И на то была причина: нападающим пришлось бы карабкаться по отвесным скалам, и они могли стать легкой мишенью для сброшенных сверху бревен и горячей березовой смолы. Весной в скалах пробивался ручей, и это событие саксы отмечали праздником. Летом вода тоже появлялась, но от случая к случаю. Благодаря этому чуду крепость Эресбург могла выдерживать осаду на протяжении многих месяцев. Это явление, по-видимому, было старо как мир, поскольку воде хватило времени промыть в камне тоннель. Об этом вряд ли кто знал, и уж точно не франки. Но могли узнать.

Имма опустилась на колени посреди кустов бузины и отыскала штабель сухих дров у входа в тоннель. Затем она начала их разгребать.

«Дрого, — подумала Имма, — наверное, был прав в своем пророчестве: ни один сакс не выживет после этой осады».

802 год от Рождества Христова

Ночью старуха опять харкала кровью. Он видел это при свете луны, пробивавшемся сквозь щели в стене барака. К тому же она дышала с трудом и брызгала слюной. Иногда, когда спазмы будили ее, она проклинала даже смерть.

Танкмар больше не мог быть возле Розвиты. Он высвободился из ее крепких объятий и отодвинулся потихоньку, чтобы она этого не заметила. Но кедровое дерево стены барака преградило ему путь. Он прижался щекой к стене и прислушался к храпу остальных рабов, к шуршанию их лохмотьев и звону цепей. Кто-то стонал, когда его в сновидении душил злой дух. Какой-то старик разговаривал во сне.

Их было около пятидесяти. Уже три недели они находились в портовом квартале Генуи, на самом печально известном рынке невольников в империи франков. В таких местах, как это, люди не покупали шелк из Византии или хлопок из Сирии. Никто не расхваливал стеклянные изделия из Тира, сандаловое дерево из Египта или сахарные головы из Триполи. Здесь стоял запах пота и грязи, фекалий и отчаяния. Пред сараями пленники целыми дюжинами ожидали решения своей участи, которая должна была привести их в раскаленную пустыню Аравии. Аббасиды страстно желали заполучить светлокожих рабов с севера и ценили их на вес своих звонких дирхемов.

В прошлом рабы могли быть наводившими ужас воинами или жрецами, ремесленниками или купцами, свинопасами или даже хозяевами плодородных земель. В оковах рабства они были всего лишь язычниками, некрещеными, которые отвергли веру в Распятого на Кресте. Несмотря на то что новое народное право франков запрещало рабство, оно распространялось только на христиан. Тот, кто придерживался веры в старых

богов, попадал в тюрьму, на эшафот или же на какой-нибудь невольничий рынок, как здесь, в Генуе.

Рука Розвиты легла сзади на плечо Танкмара и притянула его к ее жаркому телу. Красноватая пена все еще виднелась на ее губах, когда она гладила его своими жадными руками. Танкмар закрыл глаза и взмолился Саксноту, чтобы он наконец послал старухе смерть. Ее хрипение и прерывистое дыхание звучали страшной любовной песней, звуки которой заглушал лишь шум приближающегося дня.

С первыми лучами солнца дверь барака распахнулась. В проеме появился похожий на быка силуэт торговца рабами Грифо. Как всегда, у него на поясе висел плотно набитый кожаный кошель. Он с недовольным видом стал выгонять пленников из барака, обещая им муки и смерть, если вскоре на них не найдется покупатель. То, что его угрозы следовало воспринимать всерьез, он неоднократно доказал по пути сюда, на юг. Он не мог по дороге прокормить всех рабов и ставил пленников по очереди спиной к колесу телеги. Первым троим рабам, которые были ростом выше колеса, а значит, ели слишком много, отрубили головы. Танкмар ненавидел лысого торговца рабами, и все же он каждое утро с нетерпением ожидал крика Грифо, который высвобождал его из объятий старой ведьмы.

Уже несколько дней торговле мешала жара. Даже арабы, дети пустыни, родившиеся под палящими лучами солнца, с большой осторожностью передвигались через обычно оживленный порт Генуи. Город изнемогал от жары, ветра не было, и над Лигурийским морем воздух дрожал, словно над миской с рыбным супом. Штиль приковал корабли к молам. Несчастные капитаны, загрузившие на корабли скоропортящиеся товары, вынуждены были наблюдать, как пропадает их груз. Из люков и бочек доносилась вонь разложения, висевшая над портовым кварталом, и не было порыва ветра, чтобы унести ее прочь.

Рабы Грифо целый день провели в пыли перед бараком, где вынуждены были демонстрировать себя арабским клиентам.

Слой пыли окрасил их тела в серый цвет, а болезни и голод отняли силы даже у самых крепких. Вряд ли кто-то из покупателей дважды одарил взглядом товар Грифо. Тем не менее работороговец неустанно расхваливал преимущества своих рабов — громогласно и многословно.

Он предлагал только самых выносливых. Коренастого Адо, бывшего рыбака с побережья Арморики. Плаксивого Гримольда, ростовщика из Суассона, который хвастался тем, что когда-то лично помог деньгами самому императору. Веринберта, аквитанского мыловара с изъеденными мылом руками. Маленькую Бертраду, которая принадлежала епископу Зальцбурга, сбежала, но была поймана, ослеплена и продана. Розвиту, тюрингскую ведьму, внушавшую страх каждому здесь, в лагере. Среди рабов Грифо не было ни крепких мужчин, которые сгодились бы в телохранители халифу, ни красивых женщин для гарема.

Танкмар почти не выделялся из этой группы. Это был худой темноволосый, но крепкий парень с длинными конечностями. Лишь изуродованная нога портила облик красивого статного молодого мужчины. Стопа была неестественным образом повернута внутрь, так что при ходьбе вместо подошвы ему приходилось ступать на ее внешний край. Тело Танкмара было рельефным, словно какой-то античный мастер обработал его резцом, однако плоть обезображенной ноги до бедра оставалась мягкой и вялой, поскольку жизненной силы в ней не было.

Целыми часами Танкмар сидел на солнце и творил из комка глины удивительные вещи: лошадей с человеческими головами, мечи, растущие из деревьев, дикие лица с развевающимися на ветру бородами.

Дома, в Хадулоа возле устья Эльбы, это умение приносило ему одни только неприятности. Из-за больной ноги он был не пригоден для работы в поле, и его родители и братья вынуждены были кормить его всю долгую зиму. Однако это увечье компенсировалось ловкостью рук. Танкмар обжигал глину и снабжал семью посудой — работа, которую, как правило, выполняли женщины. Но он был намного искуснее их всех, а руки